

УДК 811.161.42

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-27

А.Р. ИСКЕНДЕРОВА,
*докторант кафедры азербайджанского языка
Гянджинского государственного университета (Азербайджан)*

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу различных функциональных стилей с позиции текста и дискурса. Для более точного различения текста и дискурса необходимо рассматривать их с точки зрения текстов, относящихся к различным функциональным стилям (художественный, научный, деловой). В лингвистике также различаются понятия письменного и устного дискурса. Отличие понятий текста и дискурса особенно четко проявляется именно в данном подходе. Если в тексте находит отражение только вербальная часть дискурса, то в устном дискурсе присутствуют и невербальные средства. Когда мы читаем такой текст, видим только суть вопроса. Анализ языковых единиц и формально-делового стиля микротекста позволяет выявить здесь особенности этого стиля. Сюда входит точность, ясность терминов, информативность, стандартизация, наличие клише, унифицированность языка, отсутствие образности, и т. д. Анализ дискурса часто основывается на «тексте», но необходимо учитывать, что текст отражает только часть дискурса, поскольку понятие дискурса гораздо шире, чем текст. Хотя в словесном дискурсе используются вербальные и невербальные средства, а невербальные средства не отражаются в письменном дискурсе (в тексте), в некоторых случаях они передаются словесными средствами. В языкознании различаются концепции письменного и устного дискурса. В данном подходе различие между понятиями текста и дискурса особенно очевидно. Хотя предпринимаются попытки дифференцировать дискурсы по функциональным стилям, они не совсем удаются. Если в теории функциональных стилей разграничиваются только несколько стилей, то нет никакой возможности сделать конкретную классификацию в теории дискурса, потому что классификация зависит от подхода исследователя. Это также подтверждается анализом функциональных стилей с точки зрения текста и дискурса.

Ключевые слова: текст, дискурс, функциональность, стиль, вербальная часть дискурса.

Статтю присвячено аналізу різних функціональних стилів з позиції тексту і дискурсу. Для більш точного розрізнення тексту і дискурсу необхідно розглядати їх з точки зору текстів, що належать до різних функціональних стилів (художній, науковий, діловий). У лінгвістиці також розрізняють поняття письмового та усного дискурсу. Відмінність понять тексту і дискурсу особливо чітко виявляється саме в цьому підході. Якщо в тексті знаходить відображення тільки вербальна частина дискурсу, то в усному дискурсі присутні й невербальні засоби. Коли ми читаємо такий текст, бачимо тільки суть питання. Аналіз мовних одиниць і формально-ділового стилю мікротексту дозволяє виявити особливості цього стилю. Сюди входить точність, ясність термінів, інформативність, стандартизація, наявність кліше, уніфікованість мови, відсутність образності тощо. Аналіз дискурсу часто ґрунтується «на тексті», але необхідно враховувати, що текст відображає тільки частину дискурсу, оскільки поняття дискурсу набагато ширше, ніж текст. Хоча в словесному дискурсі використовуються вербальні і невербальні засоби, а невербальні засоби не відображаються в письмовому дискурсі (в тексті), у деяких випадках вони передаються словесними засобами. У мовознавстві розрізняються концепції письмового та усного дискурсу. У цьому підході відмінність між поняттями тексту і дискурсу особливо очевидна. Хоча робляться спроби диференціювати дискурси за функціональними стилями, вони не зовсім вдаються. Якщо в теорії функціональних стилів розмежовуються тільки кілька стилів, то немає жодної можливості зробити конкретну класифікацію в теорії дискурсу, тому що класифікація залежить від підходу дослідника. Це також підтверджується аналізом функціональних стилів з точки зору тексту та дискурсу.

Ключові слова: текст, дискурс, функціональність, стиль, вербальна частина дискурсу.

Текст и дискурс в художественном тексте. Как известно, для более точного разграничения текста и дискурса их необходимо рассматривать в контексте текстов, относящихся к различным функциональным стилям (литературный, публицистический, научный, деловой). В данной статье в качестве примеров мы обратились к текстам из азербайджанской художественной литературы.

В качестве художественного текста возьмем отрывок из романа Юсуфа Самедоглу «День убийства»:

«Звезды были все еще одиноки – серое небо было бледным, свет то мерцал, казалось, он хотел погаснуть, то начинал ярко сиять. Ветер еще не дул, но иногда с двойной вершины дерева срывался звук, подобный приливной волне, кажется, что рядом было море, и в то же время от этого звука все вздрагивали. Все, кто были здесь, знали, что очень далеко, где-то на другом конце света ветер подымается со своего лежбища, яростно забьется в кромешной тьме Баба Кахи, выйдет оттуда, чтобы дать бой этому многострадальному миру, преодолевая пространство то тяжелыми шагами, то ползком, делая глубокие борозды в земле своими пудовыми якорями, завывая у подножия скал и гор. Кто бы ни был здесь, он слышал угрозы ветра, который, будучи еще очень далеко, готовился к прыжку: да чтоб вы все сгнули, о двуногие слуги божьи!» [1, с. 11]. **Рассмотрим этот отрывок (микротекст) с точки зрения дискурса.** Тема этого дискурса – «Лес и ветер». Основная идея – описать лес перед рассветом. Основная задача, стоящая перед автором, – передать надвигающееся чувство страха и опасности в тишине и молчании ночи.

Ключевые слова здесь – это серое небо, бледный свет, звуки, ветер, Баба Каха, многострадальный мир, двуногие слуги божьи.

Смысловые ряды составляют доминантную часть дискурса: автор именно так представляет предрассветный лес.

При просмотре этого отрывка с точки зрения текста возникает совершенно иная картина. Тема микротекста: «Ночь в лесу». Одной из главных особенностей микротекста является единство темы предложений. Помогает отделению одного микротекста от другого обращение от предыдущего предложения к последующему со смысловым вопросом. Если невозможно задать смысловой вопрос, это говорит о том, что микротекст заканчивается, и затем начинается новый микротекст, и подобные вопросы возможны уже внутри него.

Тематическое или смысловое единство микротекста указывает на то, что все включенные в него предложения связаны с развитием мысли, единством смысла, для формирования микротемы, которая конкретизирует предмет высказывания, и сосредотачивает свое внимание на нем.

В отличие от дискурса, текст можно рассматривать с точки зрения различных языковых уровней (фонетический, морфемный, лексический, морфологический, синтаксический): каждая языковая единица, используемая автором, имеет дополнительное значение. Например, много используются в этом тексте звуки «s», «z», «k» (*ulduzlar təkəmseyrək, boz səmada bozumtul sönmək istəyirdi, əsmirdi, vələs, səs, külək, kim, Kaha, kökünüz kəsilsin* и т.д.), большинство согласных – глухие.

Лексические уровни этого микротекста представлены в основном повторениями (*boz-bozumtul, gah-gah, səsina bənzər bir səs, par-par parıldamaq, çox-çox, ağır-ağır, sürünə-sürünə, daş-qaya, uğultu sala-sala*, и т.д.).

На морфологическом уровне преобладают глаголы (*özəlayir, sönmək istəyir, parıldamağa başlayır, əsmir, səs qopur, diksindir, qaldırır, gərnəşir, açır, hazırlaşır*, и т.д.). Прилагательные (*boz, bozumtul*) и существительные (*ulduzlar, işıq, külək, vələs, ləpə döyən, səs*, и т.д.) также выполняют художественную функцию наряду с лексической и морфологической функцией. Хотя в микротексте всего четыре синтаксические конструкции, слово «*külək*» используется в трех из них, подчеркивая ужасную задачу природного явления, которое еще не началось и готовится начаться, находясь еще очень и очень далеко.

Что касается синтаксической структуры микротекста, то стоит отметить, что структура и организация предложений служат общей цели. Микротекст состоит из четырех предложений, и четыре из них имеют вид сложных синтаксических структур. В них есть подчинительные и сочинительные связи, союзные и бессоюзные конструкции, которые органически взаимосвязаны и в конечном итоге образуют единую художественную интонацию.

Таким образом, идея текста отличается от идеи дискурса: автор, используя скрытые значения, позволяет читателю расширить границы материального мира и подняться на уровень идей, архетипов, форм мышления идей с глубокими мифологемами и культурными корнями. «Язык художественной литературы, по сути, является неким обобщенным выражением в историческом контексте литературного языка народа и в то же время тесно с ним связан» [12].

Важно отметить, что если язык художественной литературы имеет сходство с каждым употребляемым в языке функциональным стилем, то есть его можно отнести к определенному типу социальной активности и определенному типу сознания, то он характеризуется следующими признаками: 1) широко используются различные единицы языка, не являющиеся его «родными»; 2) отличается спецификой языковых норм от функциональных стилей; 3) прежде всего, особой эстетической функцией от функциональных стилей, которые в основном выполняют практические функции. Язык художественной литературы на уровне предложений позволяет определять не саму языковую единицу, а принципы выбора и организации языковых единиц в микротексте.

В лингвистическом контексте художественные микротексты отличаются возможностью свободного самовыражения автора, использованием им всех стилей языка, индивидуальной, нестандартной лексики и уникальным стилем собственного письма.

«Художественность» микротекста создается сочетанием словесных выражений и отмеченных на эксплицитном уровне, однако еще не готовых к осмыслению реципиентами эксплицитных дополнительных значений, за счет объединения «межстрочных» явлений. «Поэтические средства скрыты в морфологической и синтаксической структуре языка...» [15, с.12]. Они также находятся на фонетическом, морфемном, словарном и лексическом уровнях языка. Первоначальное проявление эстетической функции языка наблюдается во всех случаях, когда автор сознательно обращал внимание на форму выражения и в некоторой степени проявил оценочное отношение.

Образность является главной отличительной чертой языка художественной литературы и задачей, которая стоит перед автором. Именно поэтому язык выступает в качестве материала в художественной литературе. Основное отличие эстетической функции языка от его «практических» функций (общение, передача информации), состоит в том, что форма выражения не только передает то или иное содержание, но и привлекает внимание к себе, своему совершенству. «Практические» функции языка требуют работы с языковыми единицами для предоставления более ясной, точной и понятной информации. Эстетическая функция языка требует от читателя работы над языковыми единицами, чтобы суметь раскрыть красоту самого слова.

Анализ функциональных книжных стилей в микротекстах открывает совершенно иную картину коммуникативно-мотивированного текста. Каждая функция языка определяет тот или иной стиль выражения (точный, объективный, специфический, описательный, информативный, деловой). Соответственно, при использовании того или иного функционального стиля из литературного языка выбираются языковые единицы (слова и выражения, формы и конструкции), которые могут наилучшим образом выполнять внутренние задачи этого стиля. В учебниках для средней школы функциональные стили часто разъясняют посредством анализа лексического содержания, поскольку различия между ними более выражены в лексике. Вместе с тем каждый функциональный стиль представляет собой сложную систему, которая охватывает все уровни языка и характеризуется специфическими особенностями, которые создают набором языковых единиц. Анализ отдельных образцов функциональных книжных стилей позволяет выявить специфику использования языковых единиц разных уровней в каждом функциональном стиле, а с другой стороны, – определить языковые единицы, используемые в двух или трех стилях. Проанализированный микротекст как первичный материал показывает все средства связи, все, что соединяет язык, и все приемы, позволяя читателю осознать целостность исходного материала, в конечном итоге «отметить» микротекст с определенным функциональным стилем и определенной коммуникативной ориентацией. Рассмотрение литературного текста как дискурса может быть упрощено

понятием «текст», поскольку только антропоцентрический аспект различает соотношение «автор – текст – читатель», но исследуются лингвоцентрический («язык-текст») и текст-центрический аспекты.

Если художественный отрывок в первую очередь следует рассматривать с точки зрения текста, то публицистический текст – это, в первую очередь, дискурс. Задача автора здесь состоит в том, чтобы донести информацию до читателя и повлиять на него.

Рассмотрим пример: «На мероприятии проректор Азербайджанской государственной академии изобразительных искусств Салхаб Мамедов и депутат Милли Меджлиса Ильхам Мамедов говорили о важности выставки. Было отмечено, что на выставке будет представлено более 150 работ до 60 мастеров кисти, членов Ассоциации творческих женщин. Говоря о значении и содержании выставленных произведений искусства, докладчики сказали, что посетители на недельной выставке смогут увидеть различные портреты по живописи, масляной живописи, акварели и декоративному искусству» [16].

Сначала рассмотрим этот материал как дискурс. Тема может быть названа «Выставка». Идея состоит в том, чтобы продвигать творчество женщин-художников. Автор хочет донести эту идею до своих читателей. Все описано конкретно и сжато. Это тоже одна из главных особенностей публицистики. Дискурс носит исключительно информативный характер. Позиция автора и отношение к происходящему остаются на заднем плане.

При изучении этого микротекста необходимо, прежде всего, обратить внимание на синтаксическую схему. Структура предложений показывает, что конструкции здесь более просты и текст является более информативным. Доминирует перечислительная интонация. В морфологическом отношении преобладают существительные и глаголы. Поскольку речь идет не о частной, а о коллективной выставке, для полноты информации следует добавить еще сведений. Элементов художественности здесь недостаточно.

С синтаксической точки зрения преобладают простые информативные предложения. Расширение предложений происходит за счет однородных членов предложения. Используются клише, публицистические штампы. Поэтому не чувствуется пафоса, патетики. Основной вопрос, стоящий перед информативным текстом: «кто, что, где, как и почему?». Когда дело доходит до ответа на вопросы, автор не выходит за рамки этой формы.

Теперь обратимся к официальному деловому тексту и возьмем в качестве примера преамбулу Закона Азербайджанской Республики «Об образовании»: «Настоящий Закон определяет основные принципы государственной политики и общие условия регулирования образовательной деятельности, а также другие ключевые правовые акты о конкретных этапах образования и другие нормативные правовые акты в области обеспечения прав граждан на образование, закрепленные в Конституции Азербайджанской Республики. Образование в Азербайджанской Республике является светским и непрерывным, стратегически важным приоритетом, отражающим интересы граждан, общества и государства. Образование в Азербайджанской Республике основывается на международных конвенциях по правам человека и других международных договорах, ратифицированных Азербайджанской Республикой, которые развивают и интегрируют образование в мировую систему образования на основе приоритета национально-нравственных и общечеловеческих ценностей» [17].

Особенностью закона является однозначное толкование, то есть здесь используются шаблонные выражения, определенные клише, и поскольку точка зрения толкуется однозначно, здесь не остается места комментариям. Поэтому официально-деловой текст можно рассматривать только с точки зрения дискурса. Каждый клише используется в зависимости от ситуации. Это ограниченная форма высказывания, то есть дискурсивная.

Соотношение дискурса, текста и речевых понятий уже давно является предметом обсуждения. Этот вопрос в контексте теории стиля рассматривают А. Гнатчук [18], В. Баранов [19], О. Обдалова [20], А. Киклевич [21], Н. Рябцева [22], М. Мамич [23], Д. Иванов [24] и др. Эти понятия иногда различают как письменный текст и устный дискурс. Однако это значительно ограничивает объем градации данного понятия. Основой для этого разделения является использование или не использование письма.

На основе этой дихотомии некоторые исследователи различают дискурс-анализ и лингвистику текста: «существует тенденция... проводить жесткое различие между дискурсом и речью. Это отражено даже в двух названиях дисциплин, которые мы изучаем – дискурс-анализ и лингвистика текста» [3, с. 1–32]. Этот подход не оправдывает себя в ряде случаев, поскольку существуют материалы, доступные как в письменной, так и в устной форме. Например, доклад можно рассматривать как письменный текст и публичное выступление (коммуникативное событие). М. Хои также отмечает невозможность точного различия между дискурсом и текстом: «Иногда это может скрывать сходство в организации устного и письменного слова» [3, с. 1–32].

До 1970-х в европейской лингвистике понятия текста и дискурса часто использовались как взаимозаменяемые понятия. Только в начале 1970-х гг. к этим понятиям добавили категорию ситуативности, чтобы их дифференцировать. Таким образом, было предложено интерпретировать дискурс как «ситуацию плюс текст», а текст – как «ситуацию плюс дискурс» [9, с. 65–76; 6, с. 239–253]. Здесь нашла свое отражение общая тенденция к пониманию дискурс-анализа, как более широкого подхода к изучению языкового общения. Для этого, с одной стороны, делается акцент на более устойчивые по сравнению с предложениями части речи, а с другой стороны, – проявляется необходимое внимание к контексту социальной ситуации.

Дискурс-анализ исследует социокультурные и интерактивные аспекты языкового общения, но это не означает, что его интересы ограничены диалогом: любой фрагмент языкового общения, включая и обычный письменный текст, можно практически рассматривать под этим углом зрения.

В большинстве функционально направленных исследований дискурс и текст почему-то противопоставляются друг другу по ряду критериев: функциональность-структурность, процесс-продукт, динамичность-статичность, актуальность-виртуальность. Соответственно, структурированный текст различается как продукт и функциональный дискурсивный процесс (text as product, discourse as process) [2, с. 24].

По словам Дж. Лич, дискурс реализуется через текст дискурса: «дискурс посредством сообщения» [4, с. 59]. Таким образом, из сформированных понятий предложение и текст относятся к первой группе, а фразы и дискурсы – ко второй группе [см.: 7, с. 9; 8, с. 11; 5, с. 187]. Если мы признаем, что первое относится к уровню языка, а второе – к уровню языкового общения, такое различие имеет смысл и методологически полезно.

Другое решение проблемы было сформулировано В.В. Богдановым [10; 11], который рассматривает речь и текст как два неравных аспекта дискурса. Подобный подход встречается и у европейских авторов.

Не каждая речь может быть «закодирована», как текст, и не каждый текст может быть озвучен [10, с. 3; 13, с. 225–227]. В результате под дискурсом понимается все, что может быть сказано и написано, то есть то, что есть одновременно «речевой материал» [14, с. 29], причем в любой репрезентации – голосовой или графической. Под текстом (в узком смысле слова) понимается «языковой материал, зафиксированный в форме письма (обычно фонографического или идеографического) на том или ином носителе. Таким образом, термины речи и текст будут в некотором роде относиться к дискурсу, который их объединяет» [11, с. 5–6]. Отметим, что эти термины не создают дихотомию, которая кажется очевидной для оппозиции.

Этот подход, конечно, заслуживает внимания. По крайней мере, здесь подчеркивается обобщенный характер дискурса, устраняются любые ограничения с монологом или диалогом, устными или письменными признаками. Использование дискурса как своего родового понятия в отношении таких понятий, как речь, текст и диалог, становится все более распространенным явлением в лингвистической литературе.

Использование термина *дискурс* в качестве центрального понятия, определяющего специфику парадигмы, также влияет на метанаучные традиции.

Дискурс и текстовые определения не могут быть синонимами. Хотя их смысловое содержание пересекается, они не совпадают и представляют собой разные понятия. Текст также можно рассматривать как результат дискурса. Если это так, то текст является результатом дискурса и хранителем дискурса.

Список использованной литературы

1. Самедоглу Ю. Избранные произведения / Ю. Самедоглу. – Баку: Шарг-Герб, 2005. – 423 с.
2. Brown G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 272 p.
3. Hoey M. The place of clause relational analysis in linguistic description / M. Hoey // English Language Research Journal. – 1983. – Vol. 4. – P. 1–32.
4. Leech G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London: Longman, 1983. – 245 p.
5. Mey J.L. Pragmatics: An Introduction / J.L. Mey. – Oxford; Cambridge: Willey-Blackwell, 1993. – 418 p.
6. Östman J. Discourse analysis / J. Östman, T. Virtanen // Handbook of Pragmatics Manual. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995. – P. 239–253.
7. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 272 p.
8. Werth P. Focus, Coherence and Emphasis / P. Werth. – London: Croom Helm Publ., 1984. – 293 p.
9. Widdowson H.G. Directions in the teaching of discourse / H.G. Widdowson // Theoretical Linguistic Models in Applied Linguistics. – London: Longman, 1973. – P. 65–76.
10. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. – 88 с.
11. Богданов В.В. Текст и текстовое общение / В.В. Богданов. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 68 с.
12. Виноградов В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
13. Горелов И.Н. **Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта** / И.Н. Горелов. – Таллин: Валгус, 1987. – 190 с.
14. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 427 с.
15. Якобсон Р.О. Избранные произведения / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с.
16. В Союзе художников открылась летняя выставка [Электронный ресурс] // Азертадж. – 2017. – 7 августа. – Режим доступа: <http://azertag.az/xeber/> (последнее обращение 03.03.2020).
17. Закон Азербайджанской Республики об образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.gov.az/az/page/72/302/> (последнее обращение 03.03.2020).
18. Gnatciuc A. Identification of English Styles on the Basis of Parts of Speech: A Case of Principal Component Analysis and Factor Analysis / A. Gnatciuc, H. Gnatciuc // Glottometrics. – 2020. – Vol. 48. – P. 52–66.
19. Баранов В.А. Когнитивно-прагматические характеристики языка научно-академического дискурса теоретико-групповой статистической реконструктивной диагностики / В.А. Баранов, В.К. Кулешов, Г.В. Смирнов, И.О. Недавний // Язык и культура. – 2019. – Вып. 48. – С. 8–31. DOI: 10.17223/19996195/48/1.
20. Обдалова О.А. Когнитивно-прагматические и лингвостилистические характеристики англоязычного устного научно-академического дискурса / О.А. Обдалова, О.В. Харापудченко // Язык и культура. – 2019. – Вып. 46. – С. 102–125. DOI: 10.17223/19996195/46/6.
21. Киклевич А.К. Теория дискурса и стилистика / А.К. Киклевич // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – Вып. 4. – С. 3–10. DOI: 10.20339/PhS.4-18.003.
22. Рябцева Н.К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» / Н.К. Рябцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – Т. 17. – Вып. 2. – С. 33–43. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.2.4.
23. Mamich M., Shevchenko-Bitenska O. Edia Practice Legislation: Lingo-Stylistic and Lingo-cultural Aspects (on the Ukrainian Week Text Material) / M. Mamich, O. Shevchenko-Bitenska // Lingua Montenegrina. – 2019. – Vol. 24. – P. 105–113.
24. Иванов Д.И. Проблема стиля и методологические стратегии М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева / Д.И. Иванов, Д.Л. Лакербай // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – Т. 53. – С. 194–206. DOI: 10.17223/19986645/53/13.